

Р.Штайнер

Пятое Евангелие. Из Акаша-Исследования.

ПСС №148, Лекция от 16 ноября 1913г., Гамбург.

Теперь мне предстоит говорить о предметах, выявившихся по ходу нашей антропософской жизни, о духовнонаучных исследованиях, полученных из хроники Акаши и относящихся к жизни Иисуса. В Христианстве уже были высказаны кое-какие мои обобщения насчет жизни Христа Иисуса. Выступал я также и в других городах, что-то желал бы сказать и вам, причем в определенном аспекте. Вообще должен подчеркнуть, что говорить об этом непросто, потому что в настоящий момент прямые результаты принимаются в штыки, пускай даже в общем и целом допускается существование духа, о котором принято рассуждать абстрактно. Однако стоит представить конкретные сообщения из области духовного развития мира, как тут же приходится иметь дело не только с добродушными критиками, но и с такими, что словно с цепи срываются, как это было с сообщением о двух мальчиках Иисусах, совершенно очевидным для тех, кто мыслит объективно. Поэтому прошу вас благочестиво подойти к сегодняшним сообщениям, ведь будучи изложены вне нашего контекста они могут быть превратно поняты и натолкнуться на резкую отповедь.

Но есть и такие точки зрения, в соответствии с которыми чувствуешь обязанность сообщать такие вещи людям. Одна сводится к тому, что в наше время необходимо обновленное понимание Христа Иисуса, всмотреться по - новому в то, что же, собственно, произошло в Палестине как Мистерия Голгофы. Есть и другая точка зрения, и согласно ей как раз оккультная интуиция тесно связана с мировоззрением в целом, которое проистекает из духовной науки, доставляя нам известие о том, каким оздоравливающим и укрепляющим питанием для человеческих душ оказывается то, что они в состоянии чаще думать о том, что соприкасается с этим величайшим событием. Эти души могут получить помощь, вспоминая о Мистерии Голгофы, о каких-то конкретных вещах, о том, что еще и сегодня можно установить в частностях. Но эти предметы все еще подлежат исследованию оккультным взглядом. Так что я хотел бы подчеркнуть душевную ценность воспоминания о таких событиях и обратиться к рассмотрению некоторых моментов того, что дает нам в качестве своего рода Евангелия, Пятого Евангелия, хроника Акаши. Мы живем теперь в эпоху, когда исполняются слова Христа: «Во все дни я с вами»*. В определенные моменты он оказывается особенно к нам приближен, произнося то новое, что свершилось во время Мистерии Голгофы.

(* Матф. 28, 20).

Сегодня я хочу говорить о том, что принято называть событием Пятидесятницы. Для меня самого то была отправная точка Пятого Евангелия. Первым делом я обратил взгляд на души апостолов и учеников, которые не только согласно традиции, но и на самом деле собрались вместе на Пятидесятницу. Тут в их душах можно было заметить нечто такое, что воспринималось ими как необычайное пробуждение. Ибо они знали что-то такое, что перед этим с ними произошло. Они сказали себе: «Мы пережили нечто необычайное». Ибо они оглядывались назад на переживания,

изведанные ими как бы в высшем сновидении, в ином состоянии сознания. Все — в высшем значении слова — происходило точно

также, как, в более низменном виде, происходит у отдельного человека, который пережил что-то во сне и, вспоминая об этом, говорит себе: «Я пережил этот сон, и теперь, задним числом, он ясен моему бодрствующему сознанию». Вот и на праздник Пятидесятницы было так, что они сказали себе: «Похоже, что повседневное сознание уснуло». В памяти всплывали события, про которые им было известно, что они их пережили, но они пережили их не в обыкновенном повседневном сознании. Теперь они это знали. И теперь они припомнили: «Некогда мы странствовали с тем, кто был нам так дорог и так любезен, кого мы так ценили! И вот в какой-то момент случилось так, словно он был от нас забран». Им казалось, что воспоминания о совместной их жизни с Иисусом обрываются, и дальнейшее переживалось ими словно в сомнамбулическом состоянии.

В ретроспективе они пережили то, что описывается в евангелиях как Вознесение Христово, а отступая в воспоминаниях еще дальше, они переживали то, как неким образом сопresentствовали Христу Иисусу. Теперь они знали: «Мы были с ним, но тогда это было все равно как во сне; лишь теперь мы можем вполне понимать, как это было, когда мы были вместе с ним». Они вновь переживали время, которое прожили с ним после Воскресения как сомнамбулы. Теперь они пережили это в воспоминании. Затем все передвинулось еще дальше назад, и они пережили уже и то, что было Воскресением и смертью на Кресте. Здесь я могу сказать: колоссальное, потрясающее впечатление возникает тогда, когда так вот в первый раз видишь, как души апостолов, оглядываясь назад, взирали на событие Голгофы. И должен признаться, что лично у меня впечатление впервые возникло не тогда, когда я прямо взирал на Мистерию Голгофы, но при взгляде в души апостолов, как им представлялось это при взгляде с высоты Пятидесятницы: они, в самом деле, пропустили все это не через материальное зрение, пережили не в материальном сознании, но лишь задним числом им открылось то, что здесь свершилась Мистерия Голгофы, ибо их материальное переживание сознания прекратилось еще за сколько-то времени до того, как Христу Иисусу пришлось претерпеть все то, что описывается как бичевание, возложение тернового венца и распятие. Боюсь быть неверно понятым, потому что выражение это сравнительно избито, и все же скажу так: ученики прозевали, проспали все, что случилось.

Потрясающе было наблюдать, к примеру, как реализуется то, что изображают как отречение Петра. Он отрицает Христа, но не из нравственного изъяна, а все равно как лунатик. На самом деле его повседневному сознанию связь с Христом более не видна. Его спрашивают: «Ты с Христом Иисусом?» А он в данный момент этого не знает, ибо его эфирное тело претерпело такую метаморфозу, что в настоящий момент связь с Христом ему не видна. Все это время он был здесь же, и прошел через все, он странствовал с Воскресшим. То, что производит Воскресший с его душой, глубоко в нее проникает, однако осознается это лишь на Пятидесятницу, ретроспективно. Теперь полные значения слова, произносимые Христом Иисусом, иначе отдаются в душе, те слова, которые он говорит Петру и Иакову, когда берет их с собой на гору: «Бодрствуйте и молитесь!» И в самом деле, они впали в своего рода измененное состояние сознания, в своего рода сон или транс.

Когда они собрались и стали совещаться, среди них был в эфирном теле и Христос Иисус, но так, что они об этом не догадывались, и он беседовал с ними, а они — с ним, но все это происходило с ними как с сомнамбулами. Сознательным событием это стало лишь на Пятидесятницу, задним числом. Вначале они странствовали с ним, далее сознание исчезает, а после они вновь пробуждаются. Они подумали: «Вначале он пошел на крестную смерть и умер на кресте, далее случилось то, что зовется Воскресением, и он снова явился в своем духовном теле, общался с нами и по капле влил в наши души мировые тайны. Теперь все то, что мы пережили прежде в ином состоянии сознания, становится нашим представлением».

Два впечатления чрезвычайно здесь важны. Это часы перед смертью. Само собой разумеется, так и подмывает выдвинуть всевозможные научные возражения; но, если только вы представите себе, что при обращении взора на хронику Акаши события приобретают характер объективной действительности, их следует пересказать. Прежде всего оказывается вот что. На протяжении часа перед смертью по Земле наблюдалось распространение затмения, которое производит на взгляд ясновидящего впечатление солнечного; но возможно, что это было и облачное затмение. Затем можно заметить, что со смертью на кресте импульс Христа, пронизав эту тьму, соединяется с аурой Земли. В этом затмении перед его смертью просматривается связывание импульса Христа с аурой Земли. Здесь ты испытываешь величественное, колоссальное впечатление от того, как это существо, пребывавшее в теле Иисуса, изливается теперь в духовно-душевную ауру Земли, так что отныне души людей как бы в нее погружены. Видеть так вот, в духе, Крест на Голгофе, и как Христос изливается на земную жизнь сквозь затемненную Землю — это производит грандиозное впечатление, от которого захватывает дух; ибо здесь ты видишь в образной форме, как в самом деле реализуется, что должно было осуществиться для развития земного человечества.

А еще положение во гроб. Естественно, здесь прослеживается (я уже упоминал об этом в цикле, прочитанном в Карлсруэ) то, как в природном событии находит внешнее воплощение событие духовное. Когда Христос лежал в гробнице, на Земле разразилось сильнейшее землетрясение, сопровождавшееся смерчем. Здесь особенно важно то, что выяснилось также и при рассмотрении хроники Акаши: после смерча пелены лежали в гробнице так, как это достоверно изображает Евангелие Иоанна. То, что я изложил теперь, было в ретроспективном обзоре пережито апостолами в качестве Мистерии Голгофы при их встречах с Христом после Воскресения. На Пятидесятницу они впервые пережили в своем сознании то, что тогда изведали как бы в сомнамбулических грезах. Когда свершилась Мистерия Голгофы, Христос Иисус и в самом деле остался один, ибо его ученики не только покинули его; их покинуло и собственное сознание. Они пребывали в своего рода сновидческом состоянии и переживали события так, что по сути лишь на Пятидесятницу им удалось в полном сознании реализовать ретроспективный обзор. Весьма своеобразно пережили они эту встречу с Христом после Воскресения, так что в образах передними открылось следующее: «Мы были с ним здесь и там, он говорил; теперь это нам ясно». И вот им довелось пережить нечто примечательное. Они увидели образы своих переживаний с Христом в таком виде, как это соответствовало их совместной жизни после Воскресения. Но при этом у них возникало впечатление, словно в черед с тем, первым, им открывалось еще что-то

другое: все вновь и вновь показывался образ, напоминавший им о земной совместной жизни, переживавшейся ими как во сне-трансе. Однако два эти события все время представлялись им их совместная жизнь после Воскресения и совместная жизнь до того, как они погрузились в транс, когда они были рядом с Христом еще в его материальном теле. События представали перед ними как два образа, накладывающихся друг на друга. Один показывал воспоминание о материальном событии, другой — повторное пробуждение того, что они прошли с Христом, в ином состоянии сознания. Благодаря этому совпадению двух образов им стало ясно, что, собственно, за это время произошло.

Теперь, на Пятидесятницу они отчетливо понимали, что именно свершилось для развития Земли. Желая описать, через что они прошли, оказываешься перед лицом двух величественных и глубинных событий. То, что имело место, предстало их восприятию, будучи вызвано событием Пятидесятницы. И им с живостью представилось, что то, что пребывало прежде в космосе, теперь находится на Земле. Все это становится нам ясно лишь тогда, когда мы видим хронику Акаши. Будем исходить из тех переживаний, что даются человеку.

Первым делом, прежде чем спуститься к новому земному воплощению, человек переживает духовные факты. Затем он проходит состояние зародыша и роды, переходит через материнское тело в материальную земную жизнь и наконец вновь возвращается в духовный мир. Таково его душевное развитие. Для всякого существа эти ступени - свои.

Давайте попробуем отнести их к существу Христа. Христос проходит через свои состояния по-другому. От Крещения и до Голгофы здесь — своего рода зародышевое состояние. Смерть на Кресте — это рождение, жизнь с апостолами после Воскресения — это земное странствие. Переход в земную ауру представляет собой то, что есть для человеческой души переход в духовный мир. Для Христа все наступает с точностью до наоборот. Обратного ищет он и для своей судьбы. Человеческая душа уходит с Земли в духовный мир, Христос переходит из духовного мира в земную сферу, соединяется с Землей, чтобы через великую жертву перейти в ауру Земли. Это есть переход Христа в девахан. И теперь, в ауре Земли, Христос проживает свой собственный девахан, избранный им для самого себя. Человек восходит с Земли в небо; Христос, напротив, нисходит с Неба на Землю, чтобы жить с людьми. Это его девахан.

Итак, то, что Бог вступил в свое земное существование — это по случаю праздника Пятидесятницы открывается духовному взору апостолов и учеников в образе Вознесения, собственно, земного странствия*. Тем самым их восприятиям стало ясно, что именно случилось, что за жребий выпал земному развитию. На праздник Пятидесятницы апостолы ощутили себя преображенными и наполненными новым сознанием: то было нисхождение духа, внутренняя вспышка исполненного духа познания.

(*Вознесение по-немецки — Himmelfahrt, букв, «небесное странствие». Р.Штейнер, прибегая к игре слов, говорит Erdenfahrt. — И. М.).

Разумеется, рассказывая про такие события, в глазах людей ты запросто предстаешь мечтателем или фантазером, но ведь, с другой стороны, вполне понятно, что ничто

заурядное не в состоянии выразить великие события, произошедшие в жизни Земли. И тогда ученики, оглянувшись назад, но понимая лишь теперь, увидели трехлетнюю жизнь Христа Иисуса от Иоаннова крещения и вплоть до Мистерии Голгофы. Относительно этой жизни мне хотелось бы сделать несколько замечаний.

Оттолкнуться мне хотелось бы от такого изображения событий, какими они представляются наблюдающим хроники Акаши. Прежде Иоаннова крещения в Иордане духовный взгляд падает на одно особого рода событие в жизни Иисуса, в которого Христос еще не излился. Тогда, на 30-м году жизни у Иисуса состоялся разговор с его приемной матерью. Начиная с 12-летнего возраста родной матери не было с ним рядом, однако формировалась все более глубокая связь Иисуса с приемной матерью. Я также рассказывал уже о переживаниях, которые довелось изведать Иисусу с 12 до 18 лет, а затем — до 24 и до 30 лет. То были события, исполненные глубокого смысла. Здесь мне хотелось бы остановиться на одном событии, имевшем место до Иоаннова крещения. Это разговор с приемной матерью. То был разговор, при котором Иисус на глазах у матери оживил в своей душе все, что пережил начиная с 12 лет. Теперь ему удалось поведать, да так, что его слова были пронизаны глубокими, мощными чувствами, поведать все, что он, по сути более или менее в одиночку, пережил в своей душе. Он рассказывал это наглядно и с убеждением. Он говорил о том, как в эти годы, с 12 до 18 лет, в его душу, как озарение, проникли высшие божественные учения, некогда открывшиеся еврейским пророкам. Ибо это-то и нахлынуло на Иисуса тогда, с 12 до 18 лет, подобно инспирации. Началось же все, когда он был среди ученых книжников в храме. То была инспирация в роде тех, которые некогда открывались пророкам в великие древние эпохи. Случилось так, что под впечатлением этих внутренних прозрений ему приходилось испытывать муки. Это глубоко отложилось в его душе: древние истины были даны еврейскому народу в те времена, когда его тела были устроены таким образом, что могли это понять. Но теперь эти тела больше не были пригодны, чтобы воспринимать как во времена древних пророков.

Необходимо сказать одну вещь, которая характеризует чудовищно мучительное переживание в жизни Иисуса; приходится выражать ее абстрактно и сухо, хотя сама эта вещь играла роль колоссального значения. Во времена иудаизма существовал язык, снизошедший «из духовно-божественных миров. Теперь же, как вспышка из душевных глубин, древний язык вновь вышел на поверхность, однако здесь не было более никого, кто бы это понял. Заговорив о величайших учениях, вы проповедовали бы глухим, бесчувственным людям. Вот что было величайшей мукой Иисуса; и это он изложил своей приемной матери.

Далее Иисус изложил второе событие, которое пережил в своих странствиях с 18-ти до 24-х лет, приводивших его в те области Палестины, где обитали язычники. Он ездил с места на место, работая по плотничному ремеслу. По вечерам он усаживался вместе с людьми. То было совместное времяпрепровождение, какого люди не ведали ни с кем другим. От великой муки в Иисусе сформировалось нечто такое, что в конечном итоге преобразилось в волшебную силу любви, пронизывавшей каждое его слово. Эта волшебная сила слов оказывала действие в разговорах с людьми. Что было здесь величественнее всего, так это то, что меж его слов изливалось нечто подобное таинственной силе. Она оказывала столь сильное действие, что еще долгое

время после того, как Иисуса здесь уж не было, по вечерам люди вновь собирались посидеть вместе, и у них возникало такое чувство, словно он все еще здесь, что он присутствует, причем присутствие его не телесно. Люди сидели вместе, и у них возникало впечатление, совместные видения, словно бы он вновь здесь показался. Так во многих местах он оставался среди людей как живой, присутствовал там духовно.

Как-то раз он явился в место, где был старинный языческий культовый алтарь. Жертвенный алтарь пришел в запустение. Жрецы ушли отсюда, потому что местных жителей одолел пагубный недуг. Когда Иисус сюда пришел, со всех сторон сбежались люди. Уже впечатление, которое производил на окружающих Иисус, говорило о нем как о чем-то выдающемся. Язычники поспешили сюда, они собрались вокруг алтаря и ждали, что теперь жрец вновь принесет здесь жертву. Иисус поведал это матери. Он отчетливо понял, что сделалось теперь из языческих жертвоприношений. Оглядывая людей, он понял, чем мало-помалу обратились языческие боги: злыми демоноподобными существами, которых он в тот раз увидел. Тут ноги его подкосились, он упал и теперь в ином состоянии сознания пережил то, что происходит при языческих жертвоприношениях. Здесь больше не было старинных богов, как в прежние времена, а появлялись демонические существа, питавшиеся людьми и доводившие их до болезни. Иисус пережил это в ином состоянии сознания, после того, как упал. Теперь он все это рассказал, и рассказал также, что люди разбежались, но увидел он и удаляющихся демонов. Язычество пришло в упадок, оно больше не содержало великих мудростей былых времен. Иисус пережил это в непосредственном созерцании. Теперь он мог сказать матери: «Низойди вновь к евреям небесный голос, как являлся он некогда пророкам, здесь больше не отыщется ни души, чтобы его понять; но и языческие боги более не являются. Их место заступили демоны. Также и языческим откровениям сегодня не отыскать человека, который мог бы их вместить». То была вторая великая мука.

Иисус взволнованно поведал матери о третьей великой муке, изведенной им, когда его допустили в общину ессеев. Община эта желала достичь созерцания благодаря совершенствованию отдельных человеческих душ и таким образом вынать из божественных миров то, что иначе как евреям, так и язычникам невозможно было бы воспринять. Но знание это было доступно лишь отдельным людям, и добиться этого можно было благодаря тому образу жизни, что укоренился у ессеев. И все же какое-то время Иисус был вместе с оккультной общиной ессеев. Покидая ее, он увидел Люцифера и Аримана, которые убегали от ессейских ворот прочь — ко всему прочему миру. За ессейской оградой у него состоялся также и визионерский разговор с Буддой. Теперь-то он знал: существует возможность подняться туда, где ты воссоединишься с божественно-духовным, но достичь этого могут лишь отдельные. Если же этого пожелают все, то им придется отказаться. Освободившись от Люцифера и Аримана, этого могут добиться лишь некоторые — за счет преобладающего большинства, но тогда Люцифер и Ариман отправляются ко всему прочему человечеству. Открыть всему человечеству сущностную связь с божественно-духовным миром было невозможно ни на иудейский, ни на языческий, ни на ессейский лад.

По ходу этого разговора душа Иисуса слилась со всей мукой и страданием. В эти слова он вложил всю силу своего «Я». Что-то здесь из него изошло, прейдя к

приемной матери — столь сильно был он связан с тем, что рассказывал. С этими словами само его существо перешло к матери, так что он оказался как бы вне собственного «Я», вышел из своего «Я». Вследствие этого мать сделалась совершенно другой. Между тем как что-то из Иисуса ушло, мать обрела новое «Я», которое в нее погрузилось; она стала новой личностью.

Если провести исследование и попробовать узнать, в чем состояло то, что здесь произошло, выяснится нечто примечательное: родная мать этого Иисуса, которая обреталась в духовном мире начиная с 12-го года его жизни, снизошла теперь своею душою вниз, одухотворив и всецело наполнив душу приемной матери — так, что та сделалась совершенно иной. Сам же Иисус испытал такое чувство, словно собственное «Я» его покинуло: «Я» Заратустры переместилось в духовный мир. Побуждаемый внутренней необходимостью, испытывая настоятельную потребность что-то предпринять, Иисус теперь отправился на Иордан к Иоанну Крестителю, ессею. «Я» Заратустры вышло, а существо Христа в него погрузилось: он сделался пронизан существом Христа. Приемную же мать пронизала душа той матери, что пребывала в духовном мире. Но он, он странствовал теперь по Земле, в телах Иисуса — он, Христос. Не сразу эта связь установилась в полном объеме, но то и другое происходило постепенно, мало-помалу.

Я перескажу отдельные события, из которых станет ясно, что вначале Христос был слабо связан с телом Иисуса, но постепенно связь эта становилась все крепче. Если мы узнали муки и страдания Иисуса с 12-го по 30-й год, то теперь нам становится известно колоссальное усиление этих страданий — теперь, поскольку в последующие три года с человеком все крепче связывался Бог. Эта непрестанная, становившаяся все более тесной связь Бога с человеком была и столь же резким обострением боли. То несказанное, что должно было произойти, чтобы сделать для человечества возможным восхождение к духовным изначальным силам, обнаруживается в страданиях Бога на протяжении трех лет, проведенных им на Земле.

Не следует ожидать, чтобы в настоящее время эти обстоятельства нашли особое понимание. Есть одна такая книга, которую следовало бы читать по причине ее парадоксальности: «О смерти» Мориса Метерлинка. В книге этой говорится, что дух якобы не может страдать, что страдать может только тело. На самом же деле физическое тело способно страдать не больше камня. Телесная боль — это боль душевная. Страдать может только то, что душевно, что обладает астральным телом. Поэтому Бог способен мучиться куда больше, чем человек. Христос страдал вплоть до самой смерти, и самые сильные мучения были при связывании Христа с существом Иисуса. Он преодолел смерть, перейдя в ауру Земли. Прежде я более абстрактно изображал то, как событие Христа оказывается в центре развития Земли. Важнейшее это событие нисколько не теряет, будучи рассмотренно во всей своей конкретной действительности. При воспроизведении всех без исключения фактов все живо предстает перед нами, надо лишь правильно смотреть. Когда Пятое Евангелие наконец будет здесь (а человечеству оно понадобится — быть может, лишь по прошествии долгого времени), это важнейшее событие будет видеться по-иному.

Пятое Евангелие делается источником утешения и здоровья, это будет книга — источник силы. В конце Четвертого Евангелия значатся слова, указывающие на то, что будет еще и продолжение: «Мир не вместит всех книг, которые можно было бы написать». Поистине это так. Так что здесь можно получать ободрение еще и с другой стороны, если насчет Палестины будут выясняться какие-то новые факты, потому что четыре Евангелия тоже появились на свет, собственно говоря, точно так же, как и Пятое, вот только с Пятым это происходит два тысячелетия спустя.

И если Пятое Евангелие появится перед нами, то с точки зрения способа возникновения оно не будет отличаться от прочих. Найдутся, правда, люди, которые этого не признают, ибо человеческая душа эгоистична. Представим на минуту, что шекспировская пьеса «Гамлет» была бы неизвестна, а теперь бы «Гамлет» вдруг появился: люди обязательно принялись бы его бранить. Вот и Пятому Евангелию придется пробиваться. Люди нуждаются в чем-то таком, что действительно будет понято теми, кто понять желает. Придется лишь признать, что, как и прежде, откровения могут исходить исключительно из духа. Но пути и средства для этого — иные. В этом отношении перед нашим временем стоят особые задачи.

На какое время выпало то, что я поведал? Оно не могло выпасть ни на какое иное время, нежели на то, когда это и произошло: на четвертый послеатлантический период. Прийдись это, к примеру, на третий или на второй период, там нашлось бы много людей, сведущих в прамудрости мудрости индусов, для которых мудрость присутствовала бы как нечто само собой разумеющееся. Меньше понимания отыскал бы Христос в персидский, еще меньше — в египетский период. Но в четвертый период понимание уже полностью исчезает. Поэтому учение могло проникнуть в души и умы лишь в качестве факта веры. То было наиболее скверное время для понимания, от которого люди были более всего удалены. Но действия Христа не зависели от того, что были в состоянии понять люди. Ибо Христос сделался не только мировым учителем, но тем, кто нечто совершил в качестве духовного существа, кто излился в ауру Земли, чтобы обитать меж людей. Символически это можно уподобить тому, как женщины пришли к гробнице и духовное существо сказало им: «Тот, кого вы ищите, не здесь!»

Это повторилось еще раз, когда в Крестовые походы полчища европейцев перебрались к Гробу Господню. Люди оказались здесь в окрестностях Голгофы. Но и им было сказано: «Того, кого вы ищите, больше здесь нет!» — ибо он-то уже перенесся в Европу. Между тем как паломники по велению сердца тянулись в Азию, Европа начала пробуждаться и образумливаться, но понимание Христа шло на убыль. Только в XII в. появилась потребность в доказательствах Бога. Свидетельством чего является это для нас применительно к Новому времени? Разве вы испытываете нужду доказывать, кто — вор, если вы этого вора видели самолично в собственном саду?

Доказательства нужны вам лишь тогда, когда вы его не знаете. Доказательства Бога принялись отыскивать, потому что было утрачено понимание; ведь про то, что человек знает; ему ничего доказывать не нужно.

Христос здесь присутствовал, он пронизывал души. Все, что происходило, случалось под влиянием Христа, поскольку души жили в импульсе Христа. Теперь человечество должно приступить к сознательному постижению Христа. Поэтому человечество

должно узнать Христа еще лучше. С этим связано познание человека Иисуса из Назарета. Нужда в этом будет становиться все больше. Непросто об этом говорить, однако в каком-то смысле это нечто такое, что предстает в настоящий момент высшим долгом: говорить отдельным людям как раз о человеке Иисусе из Назарета, говорить о том, что мы могли бы назвать Пятым Евангелием.